

Андре Горц

Их экология — не наша!

Экология — это как всеобщее избирательное право и право на воскресный отдых. Первое время все буржуа и все защитники порядка говорят вам, что вы хотите их погубить, хотите триумфа анархии. Затем, в последствии, когда сила вещей и давление народных масс становится неодолимыми, они соглашаются с тем, что вы говорили вчера, а по сути, ничего не меняется.

Экологические требования по-прежнему имеют много противников в среде предпринимателей. Но они уже имеют и достаточно сторонников среди капиталистов.

Лучше уж не играть в прятки с системой: Экологическая борьба — не самоцель, она — этап. Она может создать трудности для капитализма и заставить его измениться. Но затем, когда после долгого насильственного и хитроумного сопротивления он уступит, поскольку экологический тупик будет неотвратим, он преодолеет это неудобство, как и все прочие.

Чего собственно мы хотим? Капитализма, который приспособливается к экологическому принуждению или же социальной, экономической и культурной революции, которая упраздняет капиталистическое принуждение и через это создаёт новое отношение людей к коллективу и к природе? Чего мы хотим: реформы или революции?

Не говорите только, что этот вопрос — второстепенный, и что главное — помешать им довести планету до того, чтобы она стала непригодной для жилья. Ибо выживание ради выживания также не является целью. Стоит ли вообще выживать в «мире, превращенном в: планетарную школу, планетарную тюрьму, где главной задачей инженеров человеческих душ будет создание людей, приспособленных к этим условиям» (Иллич)?

Если вы все ещё сомневаетесь, насколько хорош мир, который нам приготовили, прочтите досье на новые техники «промывки мозгов» в Германии и в Соединённых Штатах (*Les Temps modernes*, март 1974). Вслед за американскими психиатрами и психо-хирургами, исследователи, связанные с Гамбургским университетом под управлением профессоров Гросса (Gross) и Сваба (Svab) исследуют методы, пригодные для ампутации у индивидов агрессивности, мешающей им сносить абсолютно тотальный обман. И методы, которые предпишут им тюремный режим, а также труд на конвейере, скопление в перенаселённых городах, школе, конторе, армии.

Лучше уж попытаться определить, для начала, за что мы боремся, а не просто против чего. Хорошо бы также попытаться предвидеть, как капитализм будет затронут и изменен под давлением экологических проблем. . .

Для начала: что такое, в экономических терминах, экологическое принуждение (*contrainte*) ? Возьмем, например, такие гигантские химические комплексы в долине Рейна, как Людвигсфакен (BASF) или в Роттердаме (Akzo). Каждый комплекс сочетает следующие факторы:

1. природные ресурсы (воздух, вода, минералы), которые до сих пор считают-

- ся даровыми, потому что они не могут быть воспроизведены (reproduites) (заменены (remplacees))
2. средства производства (машины, здания), которые являются мёртвым капиталом. Он изнашивается и требует замены (воспроизводства), предпочтения более выгодных и более эффективных средств, дающих фирме преимущество перед конкурентами
  3. сила человеческого труда, которая также должна быть воспроизводима (трудящихся надо кормить, заботиться о них, предоставлять жилье, воспитывать).

В капиталистической экономике комбинация этих факторов внутри процессов производства необходима для извлечения максимума возможной прибыли (что для фирмы, беспокоящейся о своём будущем означает также: максимум могущества, а это значит — инвестиции, присутствие на мировом рынке). Стремление к этой цели глубоко повлияло на способ комбинации различных факторов и на значение каждого из них.

Фирма, к примеру, никогда не задается вопросом, как сделать труд более приятным, как сделать так, чтобы завод тщательно берег природное равновесие и жизненное пространство людей, как сделать, чтобы его продукция служила общественным целям.

Частная фирма интересуется лишь тем, как произвести максимум товарных ценностей при минимуме денежных затрат. На этот последний вопрос она отвечает: «Надо ограничить чистое функционирование машин, редких и дорогих по отношению к физическому и психическому здоровью трудящихся, быстро и дешево заменимых. Надо ограничить затраты на восстановление природного равновесия, разрушение которого не будет меня беспокоить. Надо производить то, что может быть продано подороже, даже если менее дорогие вещи могут быть более полезными».

Все несёт на себе отпечаток этих капиталистических потребностей: природа продукции, технология производства, условия труда, структура и размер предприятий.

Но вот, как раз в долине Рейна, перенаселение, загрязнение воздуха и воды дошли до такой степени, что химическая промышленность нередко обязана фильтровать дымы и сточные воды, т. е. воспроизводить условия и ресурсы, которые до этого считались «природными» и даровыми. Эта необходимость воспроизводить окружающую среду сразу будет иметь очевидные последствия. Надо инвестировать в очистку, следовательно, умножать массу мёртвых капиталов; надо также обеспечить амортизацию (воспроизводство) очистных сооружений. А ведь конечный продукт всего этого (относительную чистоту воздуха и воды) нельзя выгодно продать.

Короче говоря, существует одновременное повышение значения инвестированного капитала, издержек на воспроизводство всего этого и стоимость

продукции, без соответствующего увеличения сбыта. Следовательно — одно из двух: либо норма прибыли снижается, либо цена продукции растёт.

Очевидно, фирма будет стремиться увеличить отпускную цену. Другие фирмы, загрязняющие природу (цементная и металлургическая промышленность, черная металлургия и т. д.), будут также искать способ заставить конечного потребителя больше платить за их продукцию. учёт экологических требований будет иметь такой результат: цены будут склонны расти быстрее, чем реальная зарплата. Покупательная способность населения также будет ограничена, и, таким образом, все будет происходить так, как если бы издержки на борьбу с загрязнением окружающей среды изымались из тех ресурсов, которыми располагают люди, чтобы покупать товары. В результате производство должно либо стоять на месте, либо падать. И это снижение роста и производительности, которое в другой системе могло бы стать благом (меньше машин, меньше шума, больше воздуха, более короткие рабочие дни) приведёт к абсолютно негативным последствиям. Вредная для экологии продукция станет предметом роскоши, недоступным для масс, но доступным для привилегированных слоёв. Иными словами бедные стали бы соответственно беднее, а богатые — богаче.

Учет экологических требований приведёт к тем же последствиям, что и нефтяной кризис. И капитализм не поддастся кризису, а преодолеет его теми же методами, что и всегда. Наиболее удачливые финансовые группы используют финансовые трудности соперничающих групп, чтобы скупить их за бесценок и расширить свой контроль над экономикой. Центральная власть усилит свой контроль над обществом благодаря технократам, вычисляющим «оптимальные» нормы очистки и производства, предписывающим ограничения, расширяющим область «программируемой жизни» и сферу деятельности репрессивного аппарата государства. Народный гнев с помощью распространения известной мифологии направят на подходящих козлов отпущения (например, этнические или расовые меньшинства, «волосатых», молодёжь, инвалидов). Государство будет удерживать власть только благодаря могуществу своих репрессивных учреждений: бюрократии, полиции, армии, милиции, которые заполняют пустоту, образованную дискредитацией партийной политики и исчезновением политических партий (в силу того, что они исчерпали кредит доверия народа — прим. ред.). Достаточно оглядеться вокруг, чтобы почувствовать во Франции и в других странах признаки подобного вырождения.

Вы скажете, что всего этого можно избежать? Разумеется. Но все это может случиться, если капитализм будет приспосабливаться к экологическим издержкам без политической атаки против него на всех уровнях. Без атаки которая может лишить его господства и противопоставит ему совсем другой проект общества и цивилизации.

Сторонники капиталистического развития правы по крайней мере в одном пункте. В рамках современного общества и современной модели потребления,

основанной на неравенстве, привилегиях и стремлении к прибыли, не-рост может означать только застой, безработицу, увеличение разрыва между бедными и богатыми. В рамках современного способа производства нельзя ограничить или прекратить экономический рост, распределяя экономические блага наиболее справедливым образом.

В самом деле, сама природа этих благ чаще всего исключает справедливое распределение. Как вы сможете «справедливо» распределить апартаменты на вершинах небоскребов с бассейном, тысячи новых продуктов, редких по определению, которые каждый год выпускает промышленность, чтобы обесценивать старые модели и воспроизводить неравенство и социальную иерархию? И как «справедливо» распределить университетские звания, должности старшего мастера, главного инженера или заведующего кафедрой.

Разве не очевидно, что главная движущая сила роста заключена именно в бегстве от всеобщего, которое и стимулирует легко распространяющиеся неравенство. Вот то, что Иван Иллич назвал «модернизация нищеты». Как только массы находят возможность получить то, что было привилегией элиты, все это (степень бакалавра, машина, телевизор) обесценивается. Порог нищеты повышается на одну отметку: создаются новые привилегии, недоступные массам. Непрерывно воссоздавая редкость (*rarete*) с целью воссоздать неравенство и иерархию, капиталистическое общество порождает больше неудовлетворённых потребностей, чем удовлетворяет их. «Норма роста фрустрации (разочарования- прим ред) легко превышает рост производства» (Иллич).

Пока мы будем рассуждать в рамках этой логики, которой придерживается цивилизация неравенства, рост будет выглядеть в глазах массы людей как обещание (все же целиком иллюзорное), что они однажды прекратят своё «полу-привилегированное» существование. А не-рост — как потребление в качестве безнадёжных посредственностей.

Итак, надо атаковать не рост, а укрепляемую им мистификацию, динамику растущих и всегда обманчивых потребностей, на которых рост держится. Надо атаковать соревнование, на которое экономический рост толкает людей, заставляя каждого из них стремиться возвыситься над другими.

Современное общество могло бы выбрать себе такой девиз: «То, что является благом для всех — ничего не стоит. Тебя будут уважать лишь в том случае, если у тебя есть нечто «лучшее», чем у других». Итак, чтобы порвать с идеологией роста, надо утверждать противоположное: «Тебя достойно лишь то, что является благом для всех. Только то заслуживает быть произведённым, что ни для кого не является привилегией и никого не унижает. Мы можем быть счастливы с меньшим изобилием, ибо в обществе без привилегий не будет бедных».

Попытаемся представить себе общество, основанное на этом. Продукция из действительно прочных тканей, обувь, сохраняющаяся годами, машины, лёгкие в починке и способные функционировать в течение века — все это

можно представить в пределах техники и науки, также как и широкое развитие общественных служб (транспорт, прачечные и т. д.) освобождающих людей от покупок дорогих, хрупких и пожирающих энергию машин.

Представьте себе в каждом коллективном доме: прекрасно оснащенную мастерскую для поделок, прачечную-автомат с воздушной сушкой и глажением, и будете ли вы тогда по-прежнему нуждаться в вашем индивидуальном оборудовании? Станете ли вы торчать в пробках на дорогах, если есть удобный общественный транспорт, стоянки для велосипедов и мопедов на площади, плотная транспортная сеть, общая и для городов и для пригородов? Представьте себе также централизованно планируемую крупную промышленность, выпускающую только необходимое: четыре или пять моделей прочной обуви и одежды, три модели вместительных и видоизменяемых машин, необходимых для общественных нужд. (Андре Горц полагал, что централизованное управление промышленность будет осуществляться на основе планов, составленных рабочими советами. Поскольку число промышленных товаров резко сократится, индустриальное производство окажется более управляемым, чем сегодня. — прим. ред.) Это невозможно в ориентированной на непрерывный рост капиталистической экономике? Да. Это вызвало бы массовую безработицу? Нет. Потому что рабочая неделя занимала бы двадцать часов, оставляя возможность менять жизнь по своему усмотрению. Все было бы однообразным и серым? Нет — вообразите вот что:

Каждый квартал, каждая коммуна располагают открытыми день и ночь мастерскими, оснащенными всем, что может оказаться полезным, включая машины. Жители кварталов индивидуально, коллективно или группами изготавливали бы различные вещи для себя, а не для рынка, согласно своим вкусам и желаниям. Так как они работали бы только двадцать часов в неделю (а может быть и меньше), взрослые могли бы все время учиться тому, что дети изучали бы в начальной школе: работе с тканью, деревом, металлами, работе электрика, механике, керамике, агрокультуре . . .

Это утопия? Это может стать программой. Ибо эта «утопия» соответствует наиболее прогрессивной и не ложной форме социализма. То есть общества без бюрократии, общества, где рынок отмирает, где всего всем хватает и где люди индивидуально и коллективно свободны формировать свою жизнь, выбирать то, что они хотят делать и иметь больше необходимого. Общества, где «свободное развитие всех станет целью и условием свободного развития каждого» (Маркс).

Пер. с фр. А. Сидорова

Библиотека Анархизма
Антикопирайт
21 мая 2012

Андре Горц
Их экология — не наша!